1.6.2000.

Культура. – 2000. – 1–7 июня. – С.8

ПАВЕЛ ЛУНГИН:

Могу снимать только о России

На только что прошедшем 53-м Каннском кинофестивале фильм "Свадьба" российского режиссера Павла ЛУНГИНА, несколько лет живущего во Франции, удостоен спецприза за подбор актерского ансамбля. Лунгин уже получал тут награду за лучшую режиссуру (картина "Такси-блюз"). Разговор с режиссером состоялся накануне его отъезда в Канн.

Фото автора

– Вы уже в третий раз участвуете в программе Каннского фестиваля. Многие именитые режиссеры об этом и не мечтают. Для вас не было неожиданностью решение отборочной комиссии? Или вы еще сами не оценили результата своего труда?

– Получилась или не получилась картина? У меня до сих пор сохранилось ощущение огромной радости во время съемок, легкости, с которой работалось. У нас была чудная атмосфера. Я чувствовал, что мы делаем что-то...

– ...значительное?

– Я боюсь этого слова. Но что-то интересное – это точно. И не похожее на то, что сейчас делается.

— Вашу "Свадьбу" видели пока только в Канне. Пожалуйста, представьте вашу картину.

— Мы попытались рассказать о 24 часах из жизни маленького провинциального городка – съемки проходили в Тульской области, в поселке под поэтическим названием Липки. Вся картина, как это видно из названия, посвящена свадьбе – от утра и до утра.

Фильм возник из вопроса, который я сам себе задал: действительно ли так изменилась Россия, действительно ли мы все так переменились с приходом нового времени, что рухнули все моральные ценности, устои, что всем правит дух наживы? Должен сказать, что до съемок я плохо представлял себе жизнь провинции. Поэтому экспедиция в Липки была чрезвычайно важна в плане изучения материала.

– Вы разве без сценария ехали на съемки?

– Естественно, со сценарием. Но он в процессе съемок изменялся. Когда еще писалась эта история, я понимал, что хочу перемешать профессиональных актеров и жителей поселка – сто человек, которые должны непрерывно сосуществовать в кадре.

Это шахтерский городок. Там добывают, вернее добывали, бурый уголь, сейчас почти все шахты уже закрыты. По-моему, работает еще только одна из десяти. То, что я увидел, не произвело на меня гнетущего впечатления, а даже обрадовало. Я увидел, что те самые ценности, о которых мы говорим, сохранились. Там, как правило, крепкие семьи. Каждую неделю – свадьбы. На улицах можно встретить огромное число молодых мамаш. Люди живут, живут... Мы, наверное, недооцениваем, как тяжело люди жили раньше, забываем об этом. Но, думаю, денег у них не было никогда. Я был просто поражен долготерпением этих людей.

– Почему вы стали снимать именно в этом поселке?

– Случайно. Сели мы со вторым режиссером в машину и поехали в Тульскую область – без карты, без идей. И заехали в Липки. Поселок построен году в 50-м – эдакий сталинский ампир. Огромный Дом культуры, колонны, фонтан, гипсовые статуи писателей с отбитыми конечностями. В фонтане козы пасутся, его мраморная облицовка наполовину разворована. И, глядя на все это, подумалось, что здесь ТО время уже кончилось, а ЭТО еще не наступило. И это ощущение безвременья так меня поразило, что я сказал: тут и будем снимать.

– И что за история легла в основу картины?

– Из Москвы в родной городок вдруг возвратилась красивая девушка – бывшая королева красоты, ставшая моделью. Никто не понимает: почему, зачем? Она встречается со своим одноклассником, который любил ее и предлагает жениться на ней. Тут же сыграли свадьбу. Почему, как и что за всем этим стоит, – и составляет содержание картины. Конечно, родители в ужасе от того, что она из города уехала, да и не факт, что она любит этого парня. К тому же еще и нет денег на свадьбу. И все-таки умудрились накрыть стол, позвать множество гостей.

– Вы сказали, что в процессе съемок изучали, переосмысливали жизнь своих героев. Пришлось, значит, переписывать сценарий?

– Не то чтобы переписывать. Просто все это каким-то образом сдвинулось в более светлую область, в более оптимистическую форму. Когда писался сценарий, у меня было ощущение большего трагизма и напряжения. Но, ежедневно общаясь с местными жителями, со многими из которых мы подружились, я понял, что многое в сценарии искусственно, фальшиво. И этот дух жизнелюбия, так поразивший в этих людях, как мне кажется, удалось реализовать, воплотить в фильме.

– В прошлом с вашей легкой руки на орбиту выходили новые звезды. Кем на этот раз порадуете?

– Невесту играет Маша Миронова, дочь Андрея Миронова. Занята у нас и ее сводная сестра Маша Голубкина. Жених – Марат Башаров, в "Сибирском цирюльнике" он играл роль второго плана, и в "Ворошиловском стрелке" он играл – того парня, у которого шампанское разбивают на неприличном месте.

Особенно мне хочется отметить троих актеров, которые больше известны театралам. Это мхатовцы Андрей Панин, Александр Семчев и Володя Симонов из Вахтанговского театра. Им еще нет сорока, по-моему, это будущие звезды, причем ярчайшие.

Панин – взрывной, импульсивный, ну просто Джек Николсон! Он играет дружка жениха, алкаша – существо патетическое, который может абсолютно все пропить, а потом, рискуя жизнью, бросается спасать потерянное, чем еще больше усугубляет свое положение. Семчев играет начальника отделения милиции, который пытается использовать сложившуюся ситуацию для служебного роста. А Симонов – любовник невесты, приехавший из Москвы, чтобы увезти ее обратно. Он – из новых русских, но не самодовольный, а несколько иной.

Хочется сказать и о Наташе Колякановой, и о Владимире Кашпуре, которые замечательно сыграли у меня в "Такси-блюзе".

– Вернемся, однако, к Каннскому фестивалю. Это замечательно, что вы вновь представляли на нем нашу страну. Но почему только вы? Почему крайне редко российские фильмы прорываются в его конкурсную программу?

– Просто наше кино стало какое-то местечковое, для внутреннего употребления. А ведь оно дает возможность затрагивать всеобщие темы, говорить о вещах, которые волнуют, которыми болеют все люди. Вот этой всеобщей, гуманистической направленности и не хватает отечественному кино.

Происходят какие-то странные, непонятные вещи. Уж сколько лет прошло, как отменили цензуру. Когда это произошло, многие режиссеры, особенно молодые, были пьяны от свободы. Они чувствовали себя, как школьники, которые остались одни в классе: ненавистный учитель убежал, и они стали писать на доске неприличные слова, опрокидывать стулья. Но учитель так и не вернулся, а они продолжают радоваться, как дети, и радовать себя. Я не могу понять, почему запустили этот, другой, третий, десятый фильмы?

– Вас не поражал непрофессионализм в работах режиссеров, сценаристов, актеров – в том числе людей известных, радовавших нас в прошлом?

– Поражал. Я не раз удивлялся, что часто просто отвратительно играют люди, которых когда-то уважал, которыми восхищался. Потому-то, подбирая актеров, я искал новые лица, неизвестные еще широкой публике. Кино сейчас нередко снимают люди, которые не понимают нового времени – не вошли в него, не прочувствовали, воспринимают его чисто негативно. Или пародийно. Или анекдотически. Непонятно, что и о чем они хотят рассказать. Не могу понять, почему это все произошло. Как будто сломался какой-то механизм и никак не выправится.

– Вы в основном живете в Париже. Вот вы, русский режиссер, в очередной раз приехали – не в нашу, извините, – в свою страну. Как вы расцениваете то, что сейчас происходит в кинематографической среде? Эти бесконечные дрязги, раскол в Союзе кинематографистов...

– Честно говоря, я не очень понимаю, что люди делят. Но не это меня расстраивает – я далек от внутрисоюзной жизни, – а то, что снимается так много фильмов, а нечего смотреть.

– Как вы считаете: нужен нам вообще Союз кинематографистов?

– Нужен, но не в том виде, в каком он существует в России. Он должен осуществлять юридическую защиту кинематографистов, отстаивать их интересы перед инвесторами, перед государством. То есть выполнять роль профсоюза – как на Западе. А какую роль выполняет наш союз, честно скажу, не могу понять.

– А что вы думаете о ликвидации кино как отрасли и переводе его под эгиду Министерства культуры?

– Ужасная ошибка. Во всем мире кинематограф управляется специальным органом, потому что это особая сфера. Исключение – США, Великобритания, но там мощнейшая киноиндустрия, настоящая империя кино. В Европе везде есть кинокомитеты – не важно, как они называются, с помощью которых государство создает условия для развития национального кино. В России такая помощь государства особо важна, потому что на данном этапе наш кинематограф бессилен перед мощным давлением американской киноиндустрии. Посмотрите репертуары лучших московских кинотеатров – крайне редко в них появляются отечественные фильмы, потому что они неконкурентоспособны. Нужна эффективная программа государственной поддержки национального кино. Во Франции, например, этим занимается Национальный центр кинематографии на правах министерства. Министерство культуры России со столь сложной и специфической задачей не справится, это очевидно для всех кинематографистов. Было плохо, а станет еще хуже.

– Как вам живется во Франции?

– Работаю. В промежутках между художественными фильмами снял несколько документальных для французского телевидения. Не бог весть как живу, но мне хватает. Я во Франции стал жить потому, что здесь меня поддерживают, здесь источник моего существования. Еще с того момента, когда, случайно прочитав сценарий фильма "Такси-блюз", дали на него деньги. Фильм имел прокатный успех, получил приз в Канне. И мне продолжают давать деньги – небольшие – на новые проекты. Как в России ищут средства на кино – для меня до сих пор загадка.

Живу во Франции, но снимаю о России, по-прежнему привязан к русскому языку, хотя свободно говорю по-французски. Никак не могу решиться снять чисто французский фильм.

– Если судить по вашему рассказу, "Свадьба" – именно тот проект, который должен был получить государственное финансирование в России. Вы не обращались в Госкино с таким предложением?

– Нет. Потому что я знал, что там огромные очереди на постановку, что у Госкино очень мало денег и что надо всячески проталкивать, лоббировать проект, чего я никогда не умел и не умею. И потому я и не пытался. Может быть, надо было попытаться, но уж такой у меня характер.

– У вас, слышал я, шикарная квартира в Париже...

– Не такая уж и шикарная – четыре комнаты общей площадью метров сто. Куплена в рассрочку – мне еще десять лет за нее платить. А место замечательное: рядом с площадью Бастилии. Окна выходят на канал, где стоят корабли и яхты. Ощущение, что живу на берегу моря.

– Один?

– Нет, втроем. С женой – Лена у меня, выражаясь по-советски, домохозяйка – и сыном Иваном. Он художник. Второй сын, Александр, живет в Москве. Ему 28, у него своя семья.

Беседу вел
Геннадий
БЕЛОСТОЦКИЙ

Лунгин Павел